



- общественной мысли XVIII–XX веков : сб. науч. ст. К 70-летию профессора В. А. Китаева. Н. Новгород, 2012. С. 65–72.
- ¹⁴ Mémoires de la princesse Dashkaw // Архив князя Воронцова. Кн. 21. М., 1881. С. 137 ; *Даикова Е. П.* Записки. Письма сестёр М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 98.
- ¹⁵ *Diderot D.* La princesse d'Ashkow // *Diderot D.* Oeuvres complètes / éd. par H. Dieckmann, J. Proust, J. Varlot. Paris, 1984. T. XVIII. P. 374.
- ¹⁶ Mémoires de la princesse Dashkaw. P. 138.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ *Лозинская Л. Я.* Во главе двух академий. М., 1978. С. 48–49.
- ¹⁹ См.: *Dulac G.* Ribeiro Sanches et le développement de la Russie : le travail politique d'un médecin encyclopédiste (1764–1771) // Ici et ailleurs : le dix-huitième siècle au présent. Mélanges offerts à J. Proust. Tokyo, 1996 ; *Idem.* Science et politique : Les réseaux du Dr Antonio Ribeiro Sanches (1699–1783) // Cahiers du Monde russe. 43/2–3. Avril–septembre 2002.
- ²⁰ *Willemse D.* António Nunes Ribeiro Sanches – élève de Boerhaave et son importance pour la Russie. Leiden, 1966. P. 111–112.
- ²¹ Опубликовано: *Willemse D.* Op. cit. P. 126–167.
- ²² Ibid. P. 132.
- ²³ Ibid. P. 140.
- ²⁴ См.: *Дюлак Ж.* Рибейро Санчес о политике колонизации и колониях в России (1765–1766) // Европейское Просвещение и цивилизация России / отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин. М., 2004. С. 264–280.
- ²⁵ Там же. С. 269.
- ²⁶ См.: *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1718–1728 гг. Л., 1982.
- ²⁷ Царские указы о «бережении» крестьян, см.: ПСЗ. Т. 5. № 2707, 3294, 3770.
- ²⁸ *Дюлак Ж.* Рибейро Санчес о политике колонизации и колониях в России. С. 273.
- ²⁹ *Dulac G.* Le discours politique de Petersburg // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie. Octobre 1986. № 1. P. 51 (в конкретном случае речь шла о Дидро, де Ла Ривьере и Голицыне, но можно предположить и присутствие Санчеса при обсуждении этих проблем).
- ³⁰ О нем см.: *Цвєрава Г. К.* Дмитрий Алексеевич Голицын. Л., 1985 ; *Кучеренко Г. С.* Д. Дидро и Д. А. Голицын // Французский ежегодник. 1984. М., 1986. С. 203–219 ; *Dulac G., Evdokimova L.* La correspondance de Dmitri A. Golitsyn (1760–1784) // Dix-huitième siècle. 1990. № 22. С. 367–400.
- ³¹ *Golitsyn D. A.* Lettres sur le servage et le développement de la Russie (1765–1771), éd. G. Dulac // Politique et économie au temps des Lumières / textes réunis par Gérard Klotz. Publications de l'Université de Saint-Etienne, 1995. P. 119.
- ³² Ibid. P. 128.
- ³³ Ibid. P. 118–119.
- ³⁴ Ibid. P. 138.
- ³⁵ *Dulac G., Evdokimova L.* Op. cit. P. 385.
- ³⁶ *Golitsyn D. A.* Lettres sur le servage et le développement de la Russie. P. 133.
- ³⁷ Ibid. P. 149.
- ³⁸ Ibid. P. 152.
- ³⁹ См.: *Мунути П.* Образ России в творчестве Монтескье // Европейское Просвещение и цивилизация России. С. 31–41.
- ⁴⁰ *Hume D.* Essais politiques. Paris, 1972. P. 233.

УДК 94 (470.23–25) |1846| + 929 Милютин

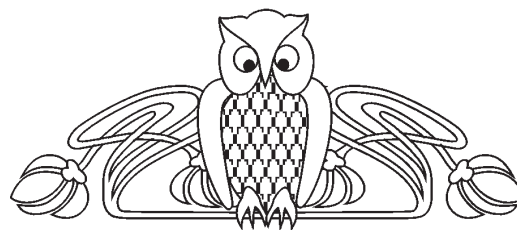
НИКОЛАЙ МИЛЮТИН И РЕФОРМА ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 1846 ГОДА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

М. В. Зайцев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: zaytsev-mv@mail.ru

Статья посвящена реформе городского самоуправления Санкт-Петербурга, осуществленной в 1846 г. Рассматривается роль Н. А. Милютина в подготовке и реализации этого преобразования. Автор пытается проследить исторические последствия реформы, а также ее влияние на дальнейшую карьеру Милютина.

Ключевые слова: история России XIX в., история русского города, Н. А. Милютин, история Санкт-Петербурга, реформа 1846 года.



Nikolai Milyutin and the Reform of Municipal Self-government of 1846 in Saint Petersburg

M. V. Zaytsev

The article is devoted to the reform of municipal self-government in St. Petersburg carried out in 1846. The role of N. A. Milutin in the preparation and implementation of this transformation is considered. The author tries to trace the historical impact of the reform and its impact on Milutin's future career.

Key words: history of Russia in XIX century, history of Russian cities, N. A. Milutin, history of Saint Petersburg, reform of 1846.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-275-282



Личность Н. А. Милютин привлекает внимание исследователей уже почти полтора столетия, хотя за это время не было создано всеобъемлющего труда, посвященного деятельности этого выдающегося человека. Участие Милютин в подготовке важнейших преобразований, осуществленных российским правительством в середине XIX столетия, рассматривалось многими специалистами, но основное внимание при этом концентрировалось на его роли в крестьянской и земской реформах, а также в урегулировании положения Царства Польского¹. Эта историографическая тенденция сохраняется и в последние годы².

Гораздо меньше внимания уделялось вкладу Милютин в разработку городских реформ, первой из которых стало введение в 1846 г. «Положения об общественном управлении Санкт-Петербурга». Даже И. И. Дитятин, подробно проанализировавший в своей монографии «Устройство и управление городов России» ход работ связанных с изменением основ городского самоуправления столицы, лишь мимоходом упоминает имя их главного действующего лица³. Между тем данная сторона деятельности Н. А. Милютин представляет, на мой взгляд, не меньший интерес, чем другие.

Биография и служебная карьера Милютин изучены достаточно хорошо, поэтому имеет смысл воспроизвести лишь их основные вехи, непосредственно относящиеся к заявленной теме. Работа в центральных государственных учреждениях началась для него в 1835 г., когда будучи еще семнадцатилетним он получил назначение на должность чиновника Хозяйственного департамента МВД. Первые годы довольно низкий статус не позволял Милютину активно участвовать в каких-либо серьезных мероприятиях, и он откровенно тяготился поручаемой ему «канцелярскою хриєю»⁴. Ситуация начинает постепенно меняться с 1837 г., когда его назначили представителем МВД в комиссию, возглавляемую П. И. Кеппеном, целью которой было статистическое и камеральное описание Таврической губернии. В течение года комиссия собирала экономическую и этнографическую информацию о данном регионе⁵. Поездка в Крым оказала большое влияние на развитие Николая Алексеевича. Как вспоминал Д. А. Милютин: «умственный его кругозор расширился, прежнее поэтическое настроение уступило место стремлению к деятельности на почве реальной жизни; пред ним открылся новый мир народного быта. С этого времени заинтересовался он вопросами экономическими и административными; начал заниматься статистикой, которую прежде находил сухим предметом»⁶.

Вскоре после этой командировки Милютин был назначен столоначальником, т. е. вошел в тот круг чиновников, которые согласно приписываемому Николаю I крылатому выражению реально управляли тогда Россией. С 1841 г. его положение в МВД еще больше укрепилось, так как на пост министра пришел Л. А. Перовский, по каким-то

причинам благоволивший Милютину и отличавший его среди других подчиненных⁷.

Уже с начала 20-х гг. XIX в. российское правительство негативно оценивало состояние сферы городского самоуправления и пыталось разработать меры по ее оздоровлению⁸. Довольно вялая бюрократическая деятельность в этом направлении велась много лет, не принося никаких реальных результатов. Чтобы активизировать эту работу в 1842 г. новый министр внутренних дел Л. А. Перовский создает в Хозяйственном департаменте специальное «Временное отделение для устройства городского управления и хозяйства», главой которого назначает Н. А. Милютин.

Получив столь важную миссию и штат из тридцати чиновников, Милютин сразу же поставил дело на широкую ногу. Прежде всего, отделение ознакомилось с теми проектами, которые выдвигались в предшествующие годы, пытаясь извлечь из них рациональное зерно. Затем были изучены постановления правительства в городской сфере, начиная с эпохи Петра I. Наконец, желая обеспечить успешное решение поставленной перед ним задачи, Милютин организовал планомерный сбор объективных сведений о состоянии городского хозяйства. С этой целью в 1843 г. «Временное отделение» рассылает чиновников для ревизии городского хозяйства в различные регионы России. Первоначально во имя наилучшей репрезентативности были избраны две «земледельческие» губернии (Саратовская и Воронежская), две «мануфактурные и торговые» (Тульская и Ярославская), Лифляндская, имевшая особое городское устройство, а также города Рязань, Могилев и Тамбов. Тогда же внимательному изучению подверглось городское самоуправление обеих столиц. В дальнейшем ревизии чиновников отделения охватили еще и города Смоленской, Волынской, Витебской и других губерний, а всего проверки прошли в 163 пунктах⁹.

Интересно, что во «Временном отделении» трудился довольно сильный контингент чиновников, хотя большинство из них, под стать начальнику, были людьми молодыми (не старше 30 лет) и делали только первые шаги на государственной службе. В этом составе стоит выделить И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина, впоследствии известных славянофилов (Самарину, кроме того, в будущем суждено было стать одним из активнейших деятелей крестьянской реформы, во многом благодаря поддержке Милютин). Также здесь работали К. К. Грот, сделавший потом большую государственную карьеру, и А. Д. Шумахер, который, забегая вперед, сменил в 1861 г. Милютин на посту директора Хозяйственного департамента и стал одним из главных разработчиков Городового положения 1870 г.

Под руководством Милютин в 1843 г. был составлен «План административной статистики городов», который служил основой для составления инвентарных описаний каждого российского



города. План включал следующие пункты: 1) Пространство и расположение города и его земель; 2) Население; 3) Постройки; 4) Хозяйство городских жителей; 5) Общественные заведения (учебные, кредитные, благотворительные и др.); 6) Общественные повинности; 7) Городовое управление; 8) Обороты сумм общественного хозяйства¹⁰. Для составления описаний использовались уже имеющиеся у МВД материалы, а также данные, собиравшиеся чиновниками «Временного отделения» на местах. Интересно, что таким путем центральное ведомство, помимо главных социально-экономических показателей, пыталось выяснить формальные основания, на которых то или иное поселение пользуется правами городского, и какие правительственные акты, выходявшие в прошлом, регулируют статус, общественное и хозяйственное устройство данного поселения. Собранные по отдельным городам сведения в эти годы публиковались в официальном печатном органе ведомства – «Журнале Министерства внутренних дел», в котором Милютин выполнял обязанности помощника редактора¹¹.

Сбор сведений о городском хозяйстве оказался настолько громоздким процессом, что растянулся на годы. Между тем молодому и энергичному чиновнику хотелось поскорее продемонстрировать результаты деятельности вверенного ему отделения. Поэтому Милютин решил составить проект изменения системы городского самоуправления Санкт-Петербурга, благо подробную информацию о столичном хозяйстве получить было гораздо проще. Смысл созданного им и его подчиненными плана сводился к тому, чтобы творчески переработать основы Жалованной грамоты городам 1785 г. и применить их к реальным условиям существования имперской столицы. Главной целью Николая Алексеевича было создание таких общественных установлений, которые могли бы самостоятельно распоряжаться местным хозяйством и освободили бы МВД от необходимости постоянно контролировать городские дела. При этом он не хотел полностью перестраивать муниципальную систему, а предполагал лишь «вдохнуть жизнь» в старые органы, сделать их более жизнеспособными. Для этого, в частности, требовалось привлечь к городским делам самое образованное и общественно активное на тот момент сословие – дворянство. Проект был готов уже в 1844 г., но Государственный совет, одобрив его основные начала, обязал МВД провести дополнительное редактирование документа¹².

Стоит подчеркнуть, что хотя проект по замыслу авторов должен был стать развитием Жалованной грамоты 1785 г., активное вовлечение дворян в сферу городского самоуправления составляло принципиальное новшество. Закон Екатерины II формально не исключал благородное сословие из состава городских обывателей, но на деле под таковыми понимались лишь представители «типично городских» сословий. Теперь же в состав

городского общества вводилось не только податное население Санкт-Петербурга, но и, вообще все, кто имел в столице недвижимость. Таким образом, к участию в городском самоуправлении непосредственно привлекались неподатные категории, прежде всего дворяне. В остальном проект базировался, как и екатерининский закон, на сословном начале, хотя и с большими изменениями относительно «первоисточника». Очевидно, эти изменения воспринимались Государственным советом не без труда, поскольку в 1845 г. он еще раз возвратил его на окончательную доработку в МВД¹³.

Необходимо отметить, что в эти годы Милютин не только руководил деятельностью «Временного отделения», но также принимал участие в других административных мероприятиях, связанных с подготовкой городских преобразований. С 1843 по 1845 г. он являлся членом Комиссии для начертания проектов преобразования городской судебной части, с апреля 1843 г. наблюдал за переоценкой недвижимости в Санкт-Петербурге, а в 1844 г. осуществил командировку в Эстляндскую и Лифляндскую губернии по делам вверенного ему отделения. Масштабные труды пагубно отразились на здоровье Николая Алексеевича, в связи с чем с апреля 1845 по февраль 1846 г. он находился на лечении в Германии, хотя и там продолжал изучать общественное устройство германских городов, а также прусские учреждения, относящиеся к ремесленным цехам¹⁴.

Пока Милютин находился за рубежом созданный им проект «Положения об общественном устройстве Санкт-Петербурга» прошел, наконец, все инстанции и стал законом 13 февраля 1846 г. Для введения его в действие создавалась специальная комиссия, куда был включен и Николай Алексеевич. Эта комиссия, действовавшая до 1857 г., подготовила целую серию локальных постановлений, касающихся петербургского самоуправления¹⁵.

Новая система городского самоуправления, вводившаяся в столице империи, предусматривала выборы в Общую городскую думу по пяти категориям: 1) потомственных дворян; 2) личных дворян, почетных граждан и разночинцев; 3) купцов; 4) мещан; 5) цеховых ремесленников. Каждая курия делегировала в Общую думу от 100 до 150 гласных. При этом к выборам горожане допускались, только если обладали несколькими обязательными критериями, в том числе довольно высоким имущественным цензом.

Важно, что условия и нюансы предоставления избирательных прав в данном законе были очерчены гораздо определеннее, чем в Жалованной грамоте 1785 г. Так, например, в отличие от документа Екатерины II, четко устанавливалась возможность участия в выборах женщин, которые не голосовали лично, но могли доверить свой голос родственнику мужского пола или даже постороннему лицу, если оно удовлетворяло всем



цензам. Еще одно важное новшество, введенное Положением 1846 г., состояло в отстранении от участия в городских выборах губернатора, обер-полицмейстера, чинов полиции и прокуратуры. Очевидно, таким путем авторы закона хотели уменьшить влияние администрации на ход голосования.

В Общей думе гласные формировали пять сословных отделений, и в Положении разделялись случаи, в которых заседания отделений происходили сообща и раздельно. Помимо этого, каждое отделение избирало по пять представителей в Городовое депутатское собрание со своими более узкими обязанностями, где, как и в случае с Общей думой, депутаты чаще заседали сословными группами. И сословные отделения Общей думы, и сословные группы Городового депутатского собрания возглавлялись специально избираемыми старшинами.

Исполнительные функции поручались Распорядительной думе, заменившей Шестигласную. Она состояла из городского головы, члена, назначенного коронной властью, и 12 выборных от сословий (по три от каждого, а мещане и ремесленники избирали троих сообща). Предметы ведомства Общей и Распорядительной дум практически не отличались от аналогичных, определенных Жалованной грамотой 1785 г. Кроме того, в составе муниципалитета действовали управы для каждого из податных сословий, занимавшиеся их внутрисословными делами, а также торговая полиция, хозяйственная полиция и аукционная камера¹⁶.

Положение 1846 г. носило весьма умеренный характер и было все еще проникнуто принципом сословности. Самостоятельность городских органов, как и раньше, была сильно стеснена контролем коронной администрации, которой утверждались все городские постановления, включая росписи бюджета. Тем не менее эта реформа навлекла на Милютина обвинения в радикальных взглядах, консерваторы навесили на него ярлыки «красного» и «революционера». Недоброжелателям из консервативной части бюрократической среды казалось, что новый закон «колеблет монархические начала», поскольку потомственные дворяне в общем составе гласных занимали только одну пятую часть, заседали вместе с представителями низших сословий, и сама обстановка этих заседаний (кафедра для речей, стенографирование, публичность) напоминала парламентские порядки¹⁷. Дворянство было недовольно тем, что его приравнивают в городских делах к «мужикам», считало ниже своего достоинства «обсуждать дела и вотировать на равных правах с низшими сословиями, и присутствовать в общих собраниях в такой смешанной компании»¹⁸. Интересно, что столичное купечество также поначалу встретило новое Положение неприязненно, увидев в нем ущемление своих сословных прав¹⁹. Первые же выборы на пост городского головы по новому за-

кону дали пример несовпадения общественного и царского доверия. Главным кандидатом на эту должность дума избрала Л. К. Нарышкина, которого Николай I не любил и считал либералом, поэтому утвержден был второй кандидат – купец В. Г. Жуков²⁰.

Тем не менее содержание этого закона, выработанное не одним Милютиным, а всем аппаратом МВД, неоднократно обсужденное другими ведомствами и Государственным советом, очевидно, устроило Николая I, который утвердил его 13 февраля 1846 г. Слово императора в ту эпоху преодолеvalo любые другие мнения, поэтому реформа состоялась. Правда в результате репутация Милютина несколько пострадала, несмотря на явную абсурдность обвинений в радикализме. Как будет видно далее, долгое время отголоски полученного имиджа «красного» сказывались на его карьере. Недовольство отдельными аспектами реформы, высказывавшееся некоторыми представителями правящей бюрократии и общественных кругов, затормозило дело подготовки преобразования городского самоуправления в других городах России. Не стоит забывать также и об ужесточении правительственного курса в последние годы царствования Николая I, во многом связанном с европейским революционным движением, развернувшимся с 1848 г. В такой обстановке было нереально даже помышлять о реформах хоть с каким-нибудь оттенком либерализма.

Положение Милютина в МВД, несмотря на указанные проблемы, продолжало оставаться устойчивым. С 1849 г. он являлся вице-директором Хозяйственного департамента, сохраняя в своих руках дела по городскому хозяйству. Надо сказать, что каждый министр, под руководством которого ему приходилось работать²¹, высоко ценил выдающиеся личные и профессиональные качества Николая Алексеевича. Показателен в этом отношении пример с министром Д. Г. Бибиковым. Назначенный руководить ведомством в 1852 г., Бибиков буквально с порога заявил Милютину, что, «находясь на службе государя императора, надо вести дела в духе самодержавия, а не проводить свои идеи, не согласные с монархическим правлением». Однако, познакомившись ближе и с самим Милютиным, и с петербургским Положением 1846 г., министр убедился в абсолютной несправедливости той репутации, которую поддерживали недоброжелатели. Буквально через месяц после своего назначения Бибиков сделал представление царю о производстве Милютина в следующий чин (действительного статского советника), в 1853 г. способствовал назначению его директором Хозяйственного департамента, а еще через год ходатайствовал о награждении своего подчиненного орденом Св. Станислава I степени. Когда свежее испеченный кавалер ордена явился благодарить за полученную награду, министр заявил, что истинное место Милютина



не в Хозяйственном департаменте, а в том кресле, которое занимал сам Бибиков²².

В начале 1850-х гг. Хозяйственный департамент МВД продолжал кропотливую работу по сбору статистических сведений о состоянии городов. Имеющиеся данные были дополнены за счет извлечения некоторой информации из Полного собрания законов Российской империи (далее – ПСЗ) и разосланы по губерниям для дальнейшего уточнения. Их проверка была возложена на органы городского самоуправления, полицию, губернские правления и статистические комитеты. Интересно, что местным органам поручалось «удостоверить, все ли города, посады и местечки и вообще городские поселения исчислены в списке и верны ли указания по Полному собранию законов на разные о них постановления; о сведениях же, не вошедших в Полное собрание, приложить копии с документов (курсив мой. – М. З.)»²³. Таким образом, в эти описания попали и те юридические акты с середины XVII до XIX в., которые относились к конкретным городам, но по каким-то причинам не были включены в ПСЗ.

Эти масштабные работы продолжались до конца 1850-х гг., а на их основе были опубликованы два крупных статистических издания – «Общественное устройство и хозяйство городов»²⁴ и «Городские поселения в Российской империи»²⁵ (в составлении обоих Милютин принимал непосредственное участие). Наибольший интерес представляет второе из них, поскольку включает самые подробные результаты статистических работ Хозяйственного департамента.

После воцарения Александра II и окончания Крымской войны происходит изменение правительственного курса в сторону либеральных реформ, первой и главной из которых должна была стать крестьянская. На пост министра внутренних дел назначается С. С. Ланской, который с самого первого приема обошелся с Милютиным вежливо и по-дружески, сказав, «что деятельность его давно ему известна с отличной стороны, что иметь такого сотрудника для него лестно»²⁶. В свою очередь, и у Николая Алексеевича сложилось положительное мнение о начальнике, поэтому вся их совместная работа (1855–1861) протекала во взаимном понимании и поддержке.

По мере того как разворачивалась подготовка крестьянской, земской и других реформ, Милютин все больше отходил от вопросов городского самоуправления и хозяйства. Правда, в 1857 г. он съездил в командировку во Владимирскую и Нижегородскую губернии, где оценивал состояние местных Приказов общественного призрения и их заведений, квартирных и продовольственных комиссий, а также городских дум. Но постепенно его активность в данной сфере все больше снижалась, чему в большой степени поспособствовала весьма неприятная история, произошедшая в 1858 г.

Дело началось с того, что Городовое депутатское собрание Санкт-Петербурга решило

разослать грамоты на причисление к городскому обществу, подтверждавшие права обывателей по владению недвижимостью и участию в самоуправлении. Почти все домовладельцы приняли этот, в общем-то, формальный документ абсолютно спокойно, но нашелся один, который отказался это сделать. Н. А. Безобразов, известный в ту эпоху публицист крайне консервативных взглядов, заявил, что, «принадлежа к одному из родов древних великороссийских дворян московских, он и семья его имеют уже на это установленные грамоты, о причислении же к городскому обществу они не просили и до времени просить не желают». С его точки зрения, городское общество должны были составлять только те, кого еще Жалованная грамота 1785 г. называла «городскими обывателями в особенности» или «среднего рода людьми». Он также обратился с жалобой на действия муниципалитета к санкт-петербургскому генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву, неприязненно относившемуся к повысившейся в результате милютинской реформы самостоятельности городских учреждений столицы²⁷. Тот переправил письмо Безобразова в думу, с «предложением» разобраться в ситуации²⁸.

Отделение потомственных дворян депутатского собрания в своем ответе, основываясь на статье закона и на инструкции, полученной от МВД, аргументированно доказало, что причисление дворян к городскому обществу нисколько не умаляет их сословных прав. Выборные представители того же сословия, к которому относился и Безобразов, утверждали, что хотя он «и принадлежит, как он объясняет, к древнему роду великороссийских дворян, но доколе он владеет недвижимую собственностью в столице, не может находиться в исключительном к городскому обществу, против других дворян-владельцев, положении». Депутатское собрание просило Общую думу «обязать г. Безобразова подчиниться установленному порядку и принять изготовленную на имя его грамоту, при чем поставить ему на вид неуместный его поступок в отношении городского общества»²⁹.

На этом конфликт мог бы и угаснуть, но старшина дворянского отделения Д. П. Хрущев, параллельно служивший в это время в МВД, решил предать гласности жалобу Безобразова и постановление депутатского собрания по его поводу. Хотя Милютин пытался отговорить Хрущева, внушая ему, что петербургская дума и так вызывает раздражение части бюрократических кругов и не нужно дразнить их еще больше, последний не внял голосу благоразумия. По его инициативе в октябре 1858 г. «Русский вестник» под редакцией М. Н. Каткова опубликовал материал с описанием этой истории³⁰.

Обращение к прессе разозлило Безобразова еще больше, он пустил в ход свои связи в высших сферах и через Игнатьева, а также через своего близкого родственника – председателя Государ-



ственного совета кн. А. Ф. Орлова, добился рассмотрения этого дела в самом Совете министров под председательством императора. На заседании Совета обвинения ретроградов относились и к думе («Как!.. Дума не только делает оппозицию генерал-губернатору, не только самовластвует в своих распоряжениях, она еще присваивает себе гласность печати, которая не существует! Не самое ли это вредное, революционное учреждение?»), и лично к Милютину, в котором видели «создателя этого революционного учреждения и ныне главного защитника его в министерстве внутренних дел». Ланской, выслушавший претензии в том, что он терпит при себе столь неблагоняменного человека, не решился в такой ситуации заступиться за своего подчиненного. Единственным, кто осмелился это сделать, оказался министр иностранных дел кн. А. М. Горчаков, заявивший, что самостоятельность муниципальных учреждений есть норма в европейских государствах, что «особенных революционных нововведений со стороны Милютина он тут не видит и что все дело ему кажется очень преувеличено». Но на это Александр II заметил: «Напрасно заступаетесь; Милютин уже давно имеет репутацию красного и вредного человека»³¹.

Столь ясно выраженное царское мнение определило решение Совета: сделать думе выговор и создать комиссию для пересмотра Положения 1846 г. Кроме того, цензор, пропустивший в печать пресловутый материал, был отстранен от работы³².

Милютин, узнав в пересказе Ланского об отношении к нему царя, естественно был сильно обеспокоен и даже задумался об отставке. Здесь, наконец, проявил себя и министр. Не решившись защищать Николая Алексеевича на заседании правительства, Ланской поднял тему доверия к нему со стороны императора во время всеподданнейшего доклада. На вопрос Александра II: может ли он ручаться за директора Хозяйственного департамента? – министр ответил: «Как за самого себя, ваше величество». В результате царь сказал, что не видит необходимости в отставке. Еще через некоторое время, когда Милютин лично представлялся Александру II по поводу награждения орденом Владимира II степени, император принял его хоть и не очень тепло, но без какого-либо выговора³³.

Забегая вперед, нужно сказать, что Николаю Алексеевичу так и не удалось избавиться от клейма «красного» в глазах царя. С марта 1859 г. в течение двух лет он был исполняющим обязанности товарища министра внутренних дел. Ланской трижды ходатайствовал об утверждении Милютина в этой должности, но не смог победить предубеждение Александра II. Когда были закончены работы по подготовке крестьянской реформы, император лично благодарил Милютина за труды. Но, признавая его «просвещенный ум», упомянул о закрепившейся за ним репутации противника дворянства. На это Николай Алексеевич

ответил, что «он не может быть противником этого сословия, потому что сам имеет честь принадлежать к нему; оно занимает первое место в России не только по привилегированному его значению, но и ввиду того, что, по образованию своему, оно стоит гораздо выше других сословий; а за сим, он, которого считают поборником просвещения, не может быть противником этого наиболее развитого сословия; все особенно полезные меры в России принимались по инициативе и при участии дворян, и, наконец, лучшие люди из их среды оказали ревностное содействие величайшей из реформ, именно – освобождению крестьян»³⁴.

Так или иначе, в конце 1858 г. Николай Алексеевич тяжело переживал все произошедшее, а решение о выговоре думе и пересмотре Положения 1846 г. воспринимал как личное поражение. Насколько известно к пересмотру закона о городском самоуправлении Санкт-Петербурга он отношения не имел, что, впрочем, вполне логично вытекало из предшествующих событий. Эта работа заняла более трех лет и Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о общественном управлении в Санкт-Петербурге» вышло только 20 марта 1862 г. Характерно, что эти изменения не носили принципиального характера, а коснулись только частных аспектов: сокращена численность гласных Общей думы до 50 чел. от каждой из пяти категорий, сокращен срок пребывания в должности городского головы с 6 до 4 лет, уточнен порядок проведения выборов и т. п.³⁵

С точки зрения политической вводимые изменения совершенно не меняли статуса городского самоуправления и не делали его менее «революционным» или менее «либеральным». Почему же противники Положения 1846 г. не добились своего? Ответ, на мой взгляд, кроется в перемене общественно-политической обстановки, которую переживала Россия на рубеже 1850–60-х гг. Полным ходом шла подготовка реформ, в связи с чем настроения общественности и власти менялись буквально на глазах. Еще в ноябре 1858 г. в Совете министров металась «громы и молнии» в адрес Милютина и его детища, а уже в январе 1859 г. московское дворянство на губернском собрании большинством в 264 голоса против 35 постановило ходатайствовать перед правительством о преобразовании состава московской городской думы по примеру петербургской, т. е. о включении тех из них, кто владел в Москве недвижимой собственностью в состав городского общества со всеми вытекающими из этого правами. В мае аналогичное ходатайство поступило из Одессы – третьего по численности населения города империи (если не считать крупнейших центров Царства Польского)³⁶. А далее потянулись с такими же просьбами и другие города³⁷.

Таким образом, само дворянство показало власти свою заинтересованность в том, чтобы стать органичным элементом городского социума



и активно участвовать в городском самоуправлении. Отменить или значительно ограничить в этих условиях Положение 1846 г. было бы просто нелепо, поэтому изменения, опубликованные в 1862 г., имели почти чисто редакционный характер. Ходатайства Москвы и Одессы были удовлетворены, и в 1862 и 1863 гг. соответственно эти города получили новое муниципальное устройство, основанное на тех же принципах, что и в Санкт-Петербурге, но с некоторыми изменениями и дополнениями. А в 1866 г. аналогичная реформа произошла в Тифлисе³⁸.

Однако локальные изменения уже не устраивали власть, на повестке дня стоял вопрос об общегосударственном преобразовании городского самоуправления. Поэтому буквально в тот же день, когда были утверждены изменения Санкт-Петербургского Положения и Положение об общественном управлении Москвы (20 марта 1862 г.), Александр II отдал распоряжение МВД «безотлагательно принять меры к улучшению общественного управления во всех городах империи, применяясь к принятым для С. – Петербурга основным началам (курсив мой. – М. З.), и соображения по этому предмету внести, установленным порядком, в Государственный совет»³⁹.

Так началась подготовка городской реформы, завершившаяся утверждением Городового положения 16 июня 1870 г. К этому преобразованию, так же, как и к городским реформам 1860-х гг., Милютин не имел непосредственного отношения. Как известно, в начале 1859 г. он «с головой» погрузился в работу по подготовке крестьянской и земской реформ, а в апреле 1861 г. был вынужден уйти из МВД вместе со своим начальником – Ланским. Их отставка была своего рода жертвой, принесенной крепостникам, лишившимся, как они считали, по милости Милютина и Ланского своих привилегий⁴⁰. После двух с лишним лет на почетной, но малозначимой должности сенатора Николай Алексеевич вернулся к активной государственной деятельности с 1863 г., когда ему было поручено проведение реформ в Царстве Польском, сразу после восстания в этом крае. Но к городским делам он уже не был причастен.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что «Положение об общественном управлении Санкт-Петербурга», созданное благодаря усилиям Н. А. Милютина, следует признать достаточно успешной реформой, имевшей глубокие исторические последствия. Новая форма городского самоуправления, возникшая в 1846 г., доказала свою жизнеспособность, несмотря на противодействие, которое ей оказывала реакционная часть российской бюрократии и дворянства, и просуществовала до 1872 г.⁴¹ Ею было положено начало создания модели муниципалитета, базирующейся на вовлечении в городские дела представителей всех сословий, а также на более четком разграничении прав и обязанностей между думой и коронной администрацией. Эти основы, а

также частные элементы Положения 1846 г. были использованы в дальнейших реформах городского самоуправления – в Москве (1862), Одессе (1863), Тифлисе (1866) и Городовом положении 1870 г.

С другой стороны, реформа 1846 г. оказала негативное влияние на карьере самого Милютина, создав ему репутацию радикала. По этой причине более масштабное участие в разработке дальнейших преобразований в городской сфере оказалось для него невозможным.

Примечания

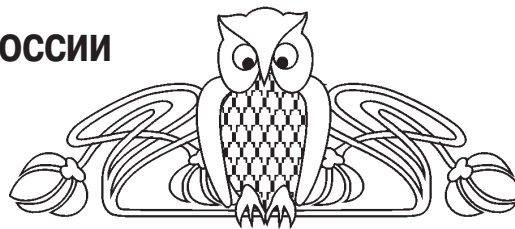
- Основную библиографию работ о Н. А. Милютине, вышедших до 2007 г., см.: Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906 : биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 499–501.
- См.: Морозова Е. Н. У истоков земской реформы. Саратов, 2000 ; *Ее же*. История формирования концепции земской реформы : «Соображения по проекту о земских учреждениях» Н. А. Милютина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 26–32 ; Шестопалов А. П. Николай Алексеевич Милютин // Вопр. истории. 2004. № 12. С. 57–68.
- См.: Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 2. Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль, 1877.
- Хрия – термин риторики, означающий совокупность приемов для развития предложенной темы. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары : в 4 т. Пг., 1915. Т. 3. С. 11.
- Милютин Д. А. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 176.
- Там же. С. 186.
- Шумахер А. Д. Поздние воспоминания о давно минувших временах // Вестник Европы. 1899. Кн. 3. С. 127.
- Подробнее об этом см.: Дитятин И. И. Указ. соч. С. 369–384.
- Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. СПб., 1861. Ч. III, кн. 2. С. 704–705 ; Ч. III, кн. 3. С. 258.
- План административной статистики городов // Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел, с учреждения министерства по 1 октября 1853 г. Т. 1. СПб., 1854. Приложения. С. 268–270.
- Там же. С. 269 ; Дитятин И. И. Указ. соч. С. 386–387.
- Дитятин И. И. Указ. соч. С. 387–388.
- Там же. С. 389–394.
- Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Указ. соч. С. 497.
- Петербургская городская дума, 1846–1918. СПб., 2005. С. 11.
- Положение об общественном управлении Санкт-Петербурга // ПСЗ. Собрание второе. Т. 21, отд. 1. СПб., 1847. С. 234–246.
- Шумахер А. Д. Указ. соч. Кн. 3. С. 128.
- Из записок М. А. Милютиной // Русская старина. 1899. № 1. С. 46–47.
- Дитятин И. И. Указ. соч. С. 395–397.



- ²⁰ Чичерин Б. Н. Русское общество 40–50-х годов XIX в. : в 2 ч. Ч. II. М., 1991. С. 95.
- ²¹ А. Г. Строганов (1839–1841), Л. А. Перовский (1841–1852), Д. Г. Бибииков (1852–1855), С. С. Ланской (1855–1861).
- ²² Шумахер А. Д. Указ. соч. Кн. 4. С. 698–699.
- ²³ Городские поселения в Российской империи : в 7 т. СПб., 1860. Т. I. С. XI.
- ²⁴ Общественное устройство и хозяйство городов : в 2 т. СПб., 1859.
- ²⁵ Городские поселения в Российской империи : в 7 т. СПб., 1860–1864.
- ²⁶ Из записок М. А. Милютиной. С. 43.
- ²⁷ Там же. С. 47.
- ²⁸ Современная летопись. Внутренние известия // Русский вестник. 1858. Т. 17. Октябрь. Кн. 2. С. 343–344.
- ²⁹ Там же. С. 345–346.
- ³⁰ Никитенко А. В. Записки и дневник : в 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 94.
- ³¹ Из записок М. А. Милютиной. С. 48–49.
- ³² Никитенко А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 98–99.
- ³³ Из записок М. А. Милютиной. С. 50.
- ³⁴ Шумахер А. Д. Указ. соч. Кн. 3. С. 128.
- ³⁵ См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о общественном управлении в Санкт-Петербурге» от 20 марта 1862 г. // ПСЗ. Собрание второе. Т. 37, отд. 1. СПб., 1865. С. 244–246.
- ³⁶ Дитятин И. И. Указ. соч. С. 502–503.
- ³⁷ Это были, в частности, города Могилевской и Костромской губерний, а также Пенза, Самара и Нижний Новгород. См.: Хрущев Д. П. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Vol. II. 1859 и 1860. Вып. 3. Берлин, 1861. С. 473.
- ³⁸ См.: Дитятин И. И. Указ. соч. С. 502–552.
- ³⁹ Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. Т. 1. СПб., 1877. С. 173.
- ⁴⁰ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 95–96.
- ⁴¹ 20 июня 1872 г. были утверждены правила о применении Городового положения 1870 г. к столицам и Одессе.

УДК 94(470.44)+929 Зубов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ЦАРСКОЙ РОССИИ А. А. ЗУБОВ – ПОТОМОК УРАЛЬСКОГО ЗАВОДЧИКА А. Ф. ТУРЧАНИНОВА: СЛУЖЕБНАЯ КАРЬЕРА И ЛИЧНОСТЬ



Е. П. Пирогова

Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург
E-mail: eppirogova@yandex.ru

Статья посвящена одному из представителей государственного аппарата России пореформенного периода тайному советнику А. А. Зубову. На основе документов, выявленных в центральных и областных архивах страны, а также личного архива итальянских потомков Зубова, представлены история его семьи, этапы военной и гражданской карьеры. В рамках актуальных проблем переходного периода российской власти и общества рассмотрены основные результаты деятельности конкретного чиновника на занимаемых им высоких должностях (например, саратовского губернатора), его гражданская позиция, вклад в общественную жизнь России.

Ключевые слова: государственная власть, российский чиновник, пореформенный период, Саратовская губерния, Нижегородская губерния, наследники уральского заводчика А. Ф. Турчанинова, итальянские потомки, русское дворянство, русское офицерство, библиотека А. А. Зубова, служебная карьера.

**A Statesman of Imperial Russia A. A. Zubov –
a Descendant of the Ural Factory Owner A. F. Turchaninov:
Career and Personality**

Е. P. Pirogova

The article is devoted to one of the representatives of the Russian government of the post-reform period, Privy Councillor A. A. Zubov. A

history of his family, stages of military and civil career are presented on the basis of the documents revealed in the central and regional archives, and personal archive of Zubov's Italian descendants. Within the frame of acute problems of the transition period of Russian power and society, the main results of a definite official's activity at high posts (for example, as the Governor of Saratov), his civic stand, and contribution to Russian public life are considered.

Key words: government, Russian official, post-reform period, Saratov province, Nizhny Novgorod province, successors of the Ural factory owner A. F. Turchaninov, Italian descendants, Russian nobility, Russian officers, A. A. Zubov's library, career.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-282-287

Среди проблем в изучении пореформенной истории России, не потерявших своей актуальности в наше время, есть проблемы переходного периода российской власти и российского общества, формирования новых гражданских отношений, гражданского общества. В рамках этих проблем стоит вопрос о личном составе госаппарата, о деятелях, являвшихся носителями и представителями государственной власти, о том, каков был их вклад в развитие общества. Соотношение личной инициативы и социальной необходимости, индивида и общества, изучение социальной и интеллектуальной среды, в которой возникали и распространялись те или иные идеи,